

Будни Арцаха: Послевоенный Коллаж

После войны город постепенно оживает, открываются школы, университеты, магазины, центры ремонта бытовой техники. На улицах гуляют мамы с детьми, проходят влюбленные пары и шумные школьники. В здании напротив свет зажигается во все большем количестве окон. Невольно взгляд падает на эти окна, отделенное от нашего дома ухоженным садиком с беседкой, когда сидим на балкончике с видом на подступы к Шуши. Жителей из дома напротив мы знаем – с ними мы либо играли в детстве, или

болтали на дворовой скамейке летними вечерами. Из этих окон всплывают истории каждого жителя, образуя своеобразный коллаж судеб потрепанных войной.

На первом этаже живет преподавательница физики с сыном – Мария Владимировна. Сын сразу ушел добровольцем, она осталась в городе, работала волонтером, писала посты очевидца в фейсбуке и под конец злилась на все, особенно на бездарность правительства. Благо, поздно узнала, что двадцатилетний сын воевал в самых горячих точках с кратно превосходящим их азербайджанцами и сирийскими наемниками, кричащими при наступлении "Аллах Акбар". Слава Богу, сын и племянник ее, высокооплачиваемый программист из ереванского офиса "Синержи", который в первый же день оставил работу и ринулся в бой, остались живы.

Рядом квартира Зары, свет в квартире горит. Но Зара пока в Ереване, а квартиру свою она сдала беженцам из Шуши. Зара – очень заботливая и счастливая жена и мама. Ее муж – военный врач, всю войну служил на фронте. Очень переживала, боялась потерять не так давно обретенное и не с чем не сравнимое счастье. Арсен был ее вторым мужем, с первым она рассталась из-за пристрастия к азартным играм. Она сама была инициатором развода и однажды не открыла дверь, когда он в очередной раз возвращался под рассвет. Этот смелый и уверенный для кавказской женщины поступок оправдал себя сполна, несмотря на предупреждения об унылой жизни матери одиночки, когда она встретила Арсена, который влюбился в нее по уши, сделал ей предложение и открыл ей праздник любви.

На втором этаже живет тетя Зина. Мир обрушился на ее голову после того, как муж погиб в первую карабахскую войну. Она ничего от этой жизни не хотела, дети стали ее раздражать казались ей некрасивыми и ненужными. Ее забота о них смешалась с тираническим отношением, требующим беспрекословного подчинения. Общение с детьми, их переживания были ей неинтересны, она пыталась привить им благородство, критикуя их недостатки. Отчуждение между матерью и детьми охладило отношения между самими детьми, они сами стали критичными и неспособными строить отношения с окружающим миром. Это длилось пока она не нашла спокойствие и силы жить дальше в церкви. Однажды она там краем уха услышала, что смерть – не конец, то есть ее Арнольд

живет в несколько ином измерении и они еще, может быть, встретятся в вечности. Она почувствовала желание жить дальше и постепенно превратилась в прежнюю добрую, заботливую, еще более мудрую тетю Зину. Только грусть в глубине ее карих глаз так не исчезла. Когда 27-ого сентября 2020 года раздался гул взрывов, тетя Зина не сомневалась, что начинается война и отреагировала очень спокойно, по-философски, ей было как все равно. Осталась в городе, который бомбили из снарядов смерчь, полонез и кассирга, до приказа об эвакуации, а вскоре после капитуляции вернулась.

Напротив живет Нарине – преподаватель биологии, с мамой и сестрой. Учится в аспирантуре Ереванского Государственного Университета. На пятый день войны мать ей посоветовала уехать из города и заодно встретиться с научным руководителем. Они не подозревали, что противник бросил на карту все и не побрезгал ничем – ни запрещенным оружием массового поражения против мирных граждан, ни натовским оружием, ни сирийскими наемниками и прочими радикалами, ни свойственным тем психологическим террором – распространением записи жутких зверств. Этому были противопоставлены самоотверженность, боевой дух и патриотизм армянского воина. Эти качества на протяжении истории выручали армян, однако в этот раз они оказались безрезультатны из-за многолетней халатности, некомпетентности, закостенелого мышления и неучета типа современных вооружений частью нашего правительства. Когда Нарине с сестрой уезжали из города, на улицах было пустынно, изредка стояли парни с рюкзаками, выглядели решительными и воодушевленными, без тени страха. Надежда на победу стала омрачаться известиями о гибели знакомых и друзей, которыми пестрела фейсбукская лента. Все молились и втайне плакали дни напролет – дома, по дороге, в метро, благо, слез под маской видно не было. Стали приходить известия о кончине пожилых карабахцев от коронавируса в Ереване – в Степанакерте до этого случаев с летальным исходом не было. Этому способствовали походы в поисках жилья и обустройства быта, частые переезды и большая скученность карабахских беженцев на малой площади.

В больницах не было мест для больных коронавирусом, так как хлынул нескончаемый поток раненных из Арцаха. Ни на час не прекращался вой сирен скорой помощи в квартире, где жили Нарине с сестрой рядом входом в город и Шенгавитской больницей. Раньше она критично относилась к карабахским парням, они ей казались пассивными, грубыми, не любили поэзию, классическую музыку, были неказисты ростом. Сейчас лица воинов с фейсбукской ленте казались ей красивыми, благородными и безмерно родными. Она ликовала, читая о чудесных избавлениях солдат, молилась за всех и за знакомых поименно и была им безмерно благодарна. Иногда ей казалось, что их скоро не останется. По приезде в Степанакерт она всматривалась в постаревшие и поседевшие лица прохожих, радовалась, что они целы и невредимы и что они *есть*. А многих больше не было – сына лавочника из магазина напротив, коллеги по кафедре, соседского мальчика, мужа подруги, студентов, их сантехника. От горя их близкие уменьшились, потемнели, побледнели, потухли. Горевали молча, отвернувшись от всех, лицом к стенке, овеванные мраком безисходности на долгие годы. Близкие павших радовались, если останки находили, ведь многих до сих пор ищут. Участь их родных была особенно трагична: месяцами они в сопровождении миротворцев добиваются у азербайджанцев разрешения на поиск пропавших, на это уходит полдня, затем прочесывают горы, леса и поля, однако времени не хватает, так как темнеет рано и поиски затрудняют

нахлынувшие осадки. Иные обивали пороги международных организаций, Красного Креста, ходили на митинги, требовали ускорить процесс возвращения пленных, постят их фотографии в социальных сетях.

Родные же раненных и контуженных и сами они, хоть на костылях и в повязках, радовались тому, что живы. Некоторые бойцы рассказывают подробности

ранений, показывают еще несмытую кровь на сидении машины, но большинство предпочитает молчать. Охотно высказываются те, кто следил за войной по телевизору или соцсетям. В городе слышится: “как же так, говорил же – Арцах это Армения, и точка; Шушу сдали, предали, он не виноват, его даже не спросили, долой некомпетентное правительство, да все они одним лыком шиты, нам все вернут; что же дальше, среди нас действовала пятая колонна, лучше надо было вооружаться, международное сообщество воду в рот набрало, ожидаются болезненные решения, все равно никуда не уеду, турецкий мониторинг у нас под носом”. Нарине прислушивалась к этим разговорам, к говорящим и к городскому пейзажу. Город ожил, но лицо его изменилось - пополнилось переселенцами из Гадрута, Шуши и прилегающих деревень. С удовольствием она наблюдала, что жизнь течет, не вымерла; ее не раздражали даже ротозеи глазевшие на стильных городских девушек. Встречи со знакомыми и коллегами были теплые и долгие. На работе в университете все было по прежнему – лекции, тесты, заседания, как будто война была дурным сном. Только пустующий стол павшего коллеги говорил о реальности произошедшего, и всем становилось невыносимо грусно.

По утрам Нарине просыпалась от детской беготни этажом выше – там жили беженцы из Гадрута, среди них их родственник – дядя Гриша. Дядя Гриша попал в плен в Гадруте. Он не захотел выехать, не представил серьезность ситуации. Новости о военной ситуации доходили обрывисто – электричество и интернет часто отключали, новости, как выяснилось позже не передавали реально происходящее. В городе давно было беспокойно, сосед сказал, что турки заходят в город, но наш спецназ их отбивает. Постоянно слышались пулеметные очереди, выстрелы и взрывы. С передовой позвонил сын и сказал, что ситуация критическая и что он с другом едет за ним, но было уже поздно. Дядя Гриша увидел из окна, как вооруженные до зубов солдаты ворвались в дом соседа. Он похолодел, но с надеждой подумал, может пронесет и в его дом обойдут. В соседнем доме никого не было, начали громить мебель, крушить технику. Вдруг он услышал, что в его дверь ломятся. В дверь долго дубасили, потом ее выбили и прошли в дом. У него похолодело внутри, но он собрался духом, вышел им навстречу и по азербайджански приветливо сказал: “Добро пожаловать, парни. Что мне вам предложить чай, кофе али водку”. Дипломатический ход дядя Гриши пришел азерам по вкусу и обходились они с ним дружелюбно. “не били и шашлыком из баранины угощали”. А вот сына с другом он увидел уже в плену один раз, потом его долго везли куда-то в кузове машины. По приезде ему сказали, что он в ста километрах от Баку. Его подержали, а потом переправили в Ереван вместе с другими пленными. У них он

спрашивал о сыне и гадрутских соседях. Соседи оказались живы, а сына с другом нашли застреленными и похороненными у них в саду.

Квартира на четвертом этаже пустует. Там жил наш физкультурник – Вачаган Арменыч. Он решил переехать в Израиль по приглашению свояка десять лет тому назад. Он ходил на митинги против азербайджанско-турецкой агрессии в Иерусалиме, писал патриотические посты, перечислил значительную сумму во всеармянский фонд и был несказано рад решению, принятому десять лет назад.

Напротив квартиры Вачагана Арменыча живет Нора с родителями, ее старшая сестра недавно вышла замуж. Седа профессиональный юрист, общественный активист и большая умница. Успешно продвигалась по карьерной лестнице, была помощником спикера парламента. После апрельских выборов, не набрав пороговых голосов, спикер с командой покинул пост. Седа в первые же дни вызвалась с сестрой в штаб и изъявила готовность помочь, чем сможет. Их рвению удивились, вежливо улыбнулись и отослали домой. В течении всей войны она собирала одежду и провизию для беженцев, руководила онлайн платформой помощи, твитнула Трампу о жестокости молчания Запада и одна из первых заподозрила неладное. После капитуляции Карабах ей представлялся островком, окруженный темной силой, куда не хочется возвращаться. Однако по приезде ее охватила радость вновь обретенного очага, друзей и родственников. Ее мучал один вопрос – понимает ли руководство страны, что она и очень многие возвратились и что надо действовать, **ДЕЙСТВОВАТЬ**, а не имитировать правление. И оставить в покое мировое сообщество и желание привлечь иностранное внимание и не выходить на митинги зарубежом, это ничего нам ничего не даст. Они создали свои страны, нам же надо создавать нашу, они за нас этого не сделают. И научиться друг друга слушать, понимать, помогать и созидать. Первым же долгом следует решить вопрос хронической безработицы, чтобы предотвратить массовый исход. Каждый третий арцахец ищет достойную работу, поддержать малый бизнес удастся единицам, на государственной службе немного платят. Безработица выросла из-за потери гидроэлектростанций, завода по переработки золотого рудников, частных производств. Многие бойцы подвигами которых мы все так восхищаемся, не имели и не имеют достойного заработка. Выплачиваемые послевоенные пособия, хоть чуть облегчили жизнь основной, бедно живущей части населения, однако несут риск развития паразитического образа мышления. У Седы в голове крутилась мысль, которую она не раз высказывала своему бывшему боссу, который обещал этим заняться, да не успел. Она вдруг представила экономический бум в Арцахе наподобие итальянского экономического чуда. Созывают экономический совет высококвалифицированных армян со всего мира и решают тип производства, например машиностроение с привлечением высоких технологий. Делаются крупные капиталовложения из средств собранных диаспорой. Разрабатывается прозрачный механизм отчетности, профессиональные процедуры отбора кадров и повышения их квалификации в стране или зарубежом в зависимости от имеющихся специалистов, (таким образом будет востребован университетский потенциал и направлен в практическое русло). На первое время принимают на работу сразу от пяти до десяти тысяч человек со средним достойным заработком. Совет учредителей строго контролируют процесс и результат продукции, при этом не препятствуя полету мысли и новаторству. Полученную продукцию сбывает на международном рынке. Доход внедряют в школы, университеты, музеи и центры

искусства, снижают невероятную нагрузку учителей и открывают путь молодым специалистам. Седе представилась профессиональная суета, форумы и презентации новых моделей машин в Арцахе. И ничего невозможного тут нет, особенно если учесть, что Элон Маск уже собирается наладить жизнь на Марсе. Да, подумала она, либо эта мечта воплотится в жизнь, либо мечтой станут вся наша родина. И наверно, это была бы лучшая дань памяти павших.

Коллаж историй напротив меня светится желто-оранжево-зелеными светом на серо-коричневом фоне. Светится он в ожидании чуда и больших перемен, колышется от сознания своей вины, темнеет горечью настоящих и предполагаемых потерь. А будет ли коллаж светиться дальше или угаснет навсегда, зависит от каждого из нас.

Ванян Лусине, суровый январь 2021 года